

УТРАТА

Моск. комсомолец. - 2005. - 22 июля. - с. 3

Полдень. Улица у Театра сатиры — вечный проходной двор — сегодня надорвалась, сломилась. Все выныривают из метро, по привычке ускоряются, чтобы краем глаза пробежать объявления зала Чайковского и «сатиловские» афишки-смешульки, а тут... Полукруг чего-то напряженно ждущих москвичей. И богатый темный «Кадиллак»-катафалк с серым верхом неуклюже паркуется задом... И тут только доходит до людей: «Ах, да. Мишулин».

С КЛОУНАМИ НЕ ПРОЩАЮТСЯ

Мишулина не хотели отпускать в вечность

Пробраться в зал можно через служебный вход. Такой красивый букет... Юноши дарят своим любимым. «От «МК». Спартаку Васильевичу». Сегодня зал какой-то

сморщенный. И еще Ширвиндт в этом жутком траурном костюме, который никак ему не идет... Ох. Никому не идет:

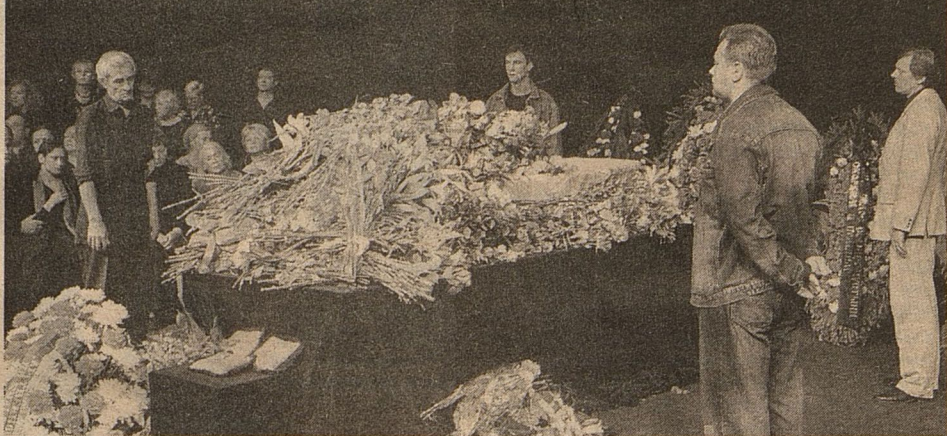
— Не думал, что на старости лет придется играть и такие роли...

А по краешку сцены — пластиковые стаканчики с валерьянкой. Постамент — весь из цветов. Будто и нет никакого Мишулина здесь. А улыбается он, сидя на одной из московских крыш, — чем они хуже стохольмских...

На сцену поднимается Ольга Аросева:

— Могучий, самобытный талант. Он из провинции приехал. Я его привезла на грузовике, не было денег на такси. С чемоданом. В тапочках. И вот 40 с лишним лет он блистает в Театре сатиры. Последний раз сегодня...

«Прощай, Спартак, прости обиды, до встречи». И чуть ли не впервые именно вчера

родилась эта странная скорбная формула: «До встречи». Так сказал Ширвиндт, так сказал Швыдкой. Все пожилые, и не сказать — убийственно «привыкшие» провожать.

Юрий Васильев. Единственный в белом летнем костюме.

— Спартак пельмени любил. Моя мама много ему готовила... Меня резали слова ребенка, он как узнал о кончине Спартака, закричал: «Мама! У меня Карлсон умер!»

По театральному обычаю гроб артиста провожают со сцены аплодисментами. Но Спартака Васильевича никто не хотел отпускать. Десять минут. Пятнадцать. Чего спешить на Ваганьковское, когда бесценный спектакль открывает дорогу в вечность...

Ян СМЕРНИЦКИЙ.